

PROTOMOTIVE OF THINKING IN DERZHAVIN'S POETRY

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: December, 2025)

Abstract

The article examines Derzhavin's poems dedicated to thinking. This thematic line has not previously attracted the attention of researchers. It is revealed in the material of a dozen poems and interpreted as a protomotive—the germ of the motive of thinking in 18th-century poetry, its initial embodiment. It is shown that the lexemes "thought," "mind," and "understanding" entered the vocabulary of poets in the age of rationalism, starting with Kantemir. For Derzhavin, "mind" is one of the declared values, often in unities: mind and heart, mind and conscience, mind and spirit—such combinations testify to Derzhavin's ideal of a holistic personality. This ideal is embodied in the image of Felice. Derzhavin made the first observations of the mind: a thought whirling in chimeras, a sleepy consciousness. The poet's first thought about the mind (ode "God") is an affirmation of the inability of the mind to comprehend God. With this negative statement, the formation of the motive of thinking in Russian poetry begins. Affirming the value of the mind despite the fact that there is no positive semantic content in the motive content allows us to speak about the protomotive of thinking and connect it with the rational nature of thinking of the 18th century.

Keywords: Motivic Analysis, Derzhavin's Poetry, Motive of Thinking, Protomotive, Mind, Self-Awareness.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Corresponding author

ПРОТОМОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Державина

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: декабрь 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются стихотворения Державина, посвященные мышлению. Эта тематическая линия в творчестве поэта ранее не привлекала внимание исследователей. Она выявляется на материале десятка стихотворений и интерпретируется как протомотив – зародыш мотива мышления в поэзии XVIII столетия, его первоначальное воплощение. Показано, что лексические единицы «мысль», «ум», «дума», «разумение» в век рационализма вошли в словарь поэтов, начиная с Кантемира. Для Державина «ум» – одна из декларируемых ценностей, чаще всего в единстве с душой: ум и сердце, ум и совесть, ум и дух – подобные сочетания свидетельствуют о державинском идеале целостной личности. Этот идеал обретает воплощение в образе Фелицы. В стихах Державина можно отметить и первые наблюдения над жизнью ума: кружащаяся в химерах мысль, сонное сознание. Первая мысль поэта об уме (ода «Бог») – утверждение неспособности ума постичь Бога. С этой отрицательной констатации начинается становление мотива мышления в русской поэзии. Утверждение ценности ума при отсутствии смысловой наполненности мотива позволяет говорить именно о протомотиве мышления. Объяснение его своеобразия в поэзии Державина дается с учетом рассудочного характера мышления XVIII столетия.

Ключевые слова: мотивный анализ, поэзия Державина, мотив мышления, протомотив, ум, самосознание.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* Ответственный автор

Введение

В статье речь пойдет о зарождении в поэзии XVIII века мотива мышления. Из протомотива, каковым он был в течение этого столетия, он станет в следующий период одним из значимых, повторяющихся и развивающихся в лирике мотивных комплексов. Это будет связано с импульсирующим воздействием немецкой философской традиции, когда и перед поэтами встанет вопрос о природе и о возможностях мысли, об истинности познания. Но уже в предшествующий век в поле зрения русских поэтов прочно утверждаются такие понятия, как «ум», «мысль», «сознание», «мышление».

Мотивный анализ лирики с очевидностью показывает, что чувства поэтов всегда рождали целые ряды мотивов, ключевых в поэзии, чувства созерцаются, описываются, выражаются в стихах и оцениваются поэтами. Чувства предлежат как обширное поле рассмотрению поэтов: проживание того или иного чувства в душе – это объект поэта-мыслителя. Но мысли – сами по себе, как объект созерцания и осмысления как составная часть внутреннего мира человека менее занимали поэтов¹. Лишь постепенно, с развитием и освоением гносеологических философских рефлексий, мысль оказывается предлежащей внутреннему взору поэта-мыслителя, некой переживаемой реальностью, которая может вдохновить на творческие воплощения. Опыт созерцания жизни мысли в сознании, то есть опыт самосознания становится источником многих откровений в 20-х и 30-х годах XIX века в поэзии Любомира. Как живет во мне мысль? Какова ее природа? Эти вопросы встают перед наблюдающей себя душой поэта. И мотив мышления зазвучал в теме поэта и поэзии (чистая и глубокая мысль как неперенный атрибут истинного поэта) и в ряде произведений, полностью посвященных мысли, так что фрагментарные лирические отражения разработанной философами теории

1. Отмечу еще раз, что речь идет не о поэзии мысли, не о философской лирике в целом, но об одном из ее мотивов. В этой оптике рассматривается далее поэзия Державина.

познания заняли прочное место в поэзии. И, даже если поэты не погружаются в философскую проблематику, в своем самопознании они обращают внимание на эту сферу, и жизнь мыслей обретает поэтические отклики.

Процесс тонкого созерцания мышления начиная с 1830-х гг. рождает лирические шедевры, как, например, «Все мысль да мысль...» Е.А. Баратынского. Поэт отмечает стремление мысли за грань чувственного и ее воздействие на жизнь: мысль, которой, по самой ее сути, свойственно устремляется к сверхчувственному, лишает ее носителя блаженства в жизни. Блаженства, которое присуще тем, кто удовлетворяется чувственными искусствами («резец, огран, кисть»). Таково наблюдение Баратынского, одно из целого ряда его открытий в созерцании мыслительного процесса - в этой интенции заключается яркое своеобразие его лирики и в целом разгадка этого скептического, мрачного, разочарованного поэта, каким нередко воспринимают его критики. Мысль по природе сверхчувственна, но этой ее сущности не отвечают ее возможности: она - «привычный гость на пире неосязаемых властей», но перед ее сознательными проникновениями мир духа закрыт, что переживалось поэтом в тональности познавательной драмы¹.

Подобное цветение темы мысли было подготовлено в поэзии XVIII столетия. В эпоху просвещения и рациональности можно усмотреть лишь *прото-мотив* мышления. Так будем называть первоначальную форму воплощения мотива, предшествующую ее полному развитию, то есть зародыш мотива, его предпосылку. Это и будет показано на материале лирики Г.Р. Державина.

Основная часть

Мысли Державина о мышлении и о разуме не стали объектом внимания филологов. Количество научных статей, посвященных в целом мировоззрению

1. Подробно об этом см.: (Кошемчук 2023).

поэта, весьма невелико: «творческая личность» Державина, как констатирует Д.В. Ларкович (автор ряда статей и монографии, касающихся философии поэта), а тем более ее философская ипостась «...на сегодняшний день нуждается в объективной и полновесной оценке» (Ларкович 2017. 182). Действительно, на мировоззрении поэта не останавливается автор его основательного жизнеописания в XIX веке, Я.К. Грот, сказавший о поэзии Державина: «Торжество вечного и духовного над преходящим и тленным, - вот главная тема ее» (Грот 1997. 196). Конечно, констатация державинских вечных тем – веры в Бога и в бессмертие души, а также переживание бренности и скоротечности жизни – общее достояние критиков, приемлющих Державина-поэта. Авторы начала XX столетия добавили немного. Так, у Б.А. Грифцова находим оценку мыслительного мира Державина: «Сознание, не коснувшееся соблазна философии...» (Грифцов 1988. 353). Державин для него один из «...более живущих и действующих, чем оценивающих и размышляющих» (Грифцов 1988. 353): «Державин не задается – по счастью – теоретико-познавательными задачами...», а Бог его далек от мира. Главное достоинство Державина критик видит в описании ярких переживаний (Грифцов 1988. 359), стихийных, блистательных, красочных, – именно блеск, пламенность, сияние в природе и в богопознании поэта акцентирует этот исследователь. Ю.И. Айхенвальд, говоря о Державине лишь вскользь отмечает: «...большую долю в его поэзии играет сверхвременное и надместное – тема вечности и вселенной» (Айхенвальд 1988. 368), не вникая в своеобразие этих тем у Державина. То же можно сказать и о биографе Державина, В.Ф. Ходасевиче в его книге о поэте, изданной в 1931 г. (Ходасевич 1988).

Немногие современные авторы, которые обращаются к философским аспектам творчества поэта, охватывают наиболее очевидные и значимые из них, ограничиваясь указанием на его деистические взгляды. Д.В. Ларкович описывает связи Державина с мыслью его эпохи, широкое знакомство поэта с

философскими идеями его времени (ранее этой теме не уделялось внимания). Этим изысканиям посвящена глава его монографии «Философские идеи Нового времени в мировоззренческом тезаурусе Г.Р. Державина» (Ларкович 2011. 91-154). Особенно стоит отметить подробный анализ рецепции Державиным философии Канта (Ларкович 2017). Этическим (Аверин 2004) и религиозным (Арефьева 1997; Федосеева, Шанаева 2010) взглядам Державина также уделено исследовательское внимание (политические же взгляды поэта изначально были в центре внимания и рассмотрены весьма подробно). Тема мышления как одна из составляющих мировоззрения поэта, по сути, его гносеологический аспект, не выходящий на первый план державинских размышлений, ранее не затрагивался исследователями.

Переходя к непосредственному выявлению мотива мышления в творчестве поэта, еще раз подчеркну, что он изначально стал предметом рассмотрения в этой статье скорее в качестве ретроспективы по отношению к расцвету мотива в поэзии XIX века, чем в силу его собственного художественно-философского звучания в лирике Державина.

Отмечу прежде всего, что такие лексические единицы, как характерные для рационального века поэзии, как «разум», «ум», «рассудок», «разуметь», «мыслить», «мысль», «дума», «разумение», «познания», «учение», «философия», «мудрость», входят в поэтический словарь русских поэтов со времен Кантемира. Он пишет свою первую сатиру «На хулящих *учение*¹» с подзаголовком: «К *уму* своему». И значимо, что от своего *ума*, который стал адресатом послания, поэт хочет – молчания. Собственно, с этого иронического призыва начинается русская поэзия: молчи, ум, не принуждай к творчеству, к размышлениям и наукам, ибо они во всех отношениях нежелательны и осуждаемы в обществе. Такова основная мысль сатиры, где ценность ума

1. Курсивом выделяются ключевые лексемы, значимые для анализа мотива мышления.

утверждается лишь «от противного», то есть через осмеяние его осуждения невеждами. А о самом *уме* сказано у Кантемира с оттенком иронического самоуничижения только следующее: «*уме* незрелый, плод недолгой науки...». Некоторые из ряда отмеченных выше понятий у Кантемира провозглашаются в качестве ценности. Или же употребляются в бытовом, обыденном значении: я «мыслю» для него означает «высказываю свое суждение, свое отношение к той или иной проблеме», а «мысль» – это мнение, суждение, которое и раскрывается далее в форме сентенций на самые разные темы.

В одном из первых значительных стихотворений Державина «Модное остроумие» (1776), как и у Кантемира в первой сатире, в начале его и в концовке, звучат те же лексемы в рассуждении о ложном, кажущемся остроумии, разоблачаемом поэтом. С начала и до конца все стихотворение – это определение, что значит быть остроумным в общем, пошлом понимании. Прежде всего это значит: *не мыслить*... Этим ироническим отрицанием начинается стихотворение:

Не *мыслить* ни о чем и презирать сомненье,
 На всё давать тотчас свободное решенье,
 Не много *разуметь*, о многом говорить...
 В конце подводится итог:
 И, словом, лишь *умом* в поверхности блистать,
 В *познаниях* одни цветы только срывать,
 Тот узел рассекать, что развязать не знаем, –
 Вот остроумием что часто мы считаем!

При этом сами выделенные слова «мыслить», «разуметь» не раскрываются в их положительном смысле, не они являются темой стихотворения. Таковой становится ложное понимание поверхностным

светским человеком остроумия, острого ума. Разоблачить эту мнимую ценность – вот задача поэта.

В ряде произведений Державин перечисляет собственные, истинные ценности, среди них названные выше. Так, в стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779) поэт говорит о смерти: она стоит перед всеми, смотрит на всех и на всё. После чего следует перечисление всего предлежащего ее взгляду, то есть выстраивается ряд тех земных явлений, которые становятся объектом созерцания для персонифицированной смерти:

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на *разум возвышенный*,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Разум оказывается в ряду значимых для Державина ценностей: красота, возвышенный *разум*, дерзновенные силы – все это подлежит уничтожению смертью.

Подобный ряд дается и в стихотворении «На рождение порфирородного отрока» (1879): гении слетаются к новорожденному и несут свои дары, причем дары умственные означены тремя составляющими (*прозорливость, разум, дух*):

Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.

Ум – одно из неперенных качеств человека, отмчаемых в его тройственной характеристике (тело, душа, дух). В стихотворении «Решемыслу» (1783) поэт обращается к Музе и просит описать своего героя:

Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков *умом*, каков душой,
Каков и всякими делами?

Можно отметить многообразные и двойственные, по их оценке, характеристики ума в подобных упоминаниях: ум может быть *возвышенным, крылатым, решительным, парящим, обширным, здоровым* (у положительных державинских героев) – или *гордым, надменным, подлым, развратным* (у отрицательных).

Порой ценности поэта, одна из первых в ряду которых ум, группируются в пары, что обобщается Державиным: «Ум и *сердце* человекье / Были гением моим». Так соединяются в его ценностных именовании не только ум и *сердце*, но ум и совесть, душа и ум; искусство, *разум* и красота; наконец, дух и ум. И многократность подобных деклараций позволяет говорить о своеобразии державинской духовной личности: противопоставление ума и сердца (свойственное его веку) поэту не близко, но очевидно привлекательно их единство, поэт соединяет в себе в единое целое различные человеческие проявления. То же он ценит и в других, в своих героях. В этой своеобразной черте можно усмотреть и прото-идею цельной человеческой личности, которая будет развиваться русскими мыслителями в XIX веке. Вот пример державинского сочетания *ума и сердца, мысли и дел* (стихотворение «Вельможа», 1794):

Вельможу должны составлять
Ум здоровый, *сердце* просвещенно;
...
Вся *мысль* его, слова, *деянья*
Должны быть — польза, слава, честь.

В оде «Фелица» (1782) его героиня предстает как воплощение мудрости, она знает путь к добродетели и потому «*дух* и *ум* пленяет» – это соединение многозначительно: в нем духовное едино с умственным, что так же можно воспринять как симптом будущих исканий мыслителей XIX столетия. Возвышенная личность царицы вызывает восхищение поэта, ибо отвечает требованиям его сознания – и религиозного, и философского. Фелица есть яркое воплощение цельного идеала и в более позднем стихотворении «Изображение Фелицы» (1789). В нем поэт обращается к Рафаэлю как наилучшему художнику с предложением написать ее портрет, так чтобы истинным фоном для его героини стала целая вселенная. На космически всеобъемлющем фоне смогут выступить ее лучшие качества:

Ее и *сердца* красоты,
И *духа* чувства возвышенны,
И *разума* ее дела...

В этих строках Державин воистину новаторски соединяет разные грани в человеке: красота сердца (не внешности), чувства духа (не души), дела разума (не воли), а далее и «мужество ее красы» – представляя тем самым идеал цельного человека.

В том же стихотворении в речи Фелицы выражается ее главное достоинство как мудрой правительницы, которая подданным дарит не свободу политическую, а свободу мысли, истинную и реальную свободу, и учит их самосознанию:

Я вам даю свободу *мыслить*

И *разуметь* себя ценить...

В перечне ее даров, конечно, и общественно-политические добродетели («Читать и знать мои законы / И в них ошибки замечать»), но выше их ценность, которую ее подданные должны научиться понимать как истинное золото. Это их мысли:

...И в *думах* золото копить...

И ранее, в «Фелице», уже была намечена эта идея: «И знать и *мыслить* позволяешь...» – высочайшая милость императрицы есть позволение *думать*, как еще раз звучит в оде: подданным Фелица «...развязывала *ум* и руки».

В созвучии со сказкой Екатерины II о царевиче Хлоре, с ее аллегорическими образами, Державин говорит о сыне Фелицы – Рассудке: «...Меня твой *сын* препровождает; / Но им последовать я слаб / Мятясь житейской суетою, / Сегодня властвую собою, / А завтра прихотям я раб». В этой, второй, линии оды, шутиливой, иронической, бытовой, герой ее, сам поэт, противопоставленный Фелице как совершенству, – несовершенный человек с его слабостями. Тем не менее он стремится быть руководимым Рассудком (сыном Фелицы), а в своем увлечении чтением стремится к воплощению идеала: «*ум* и сердце просвещаю». И если Фелица для поэта – образец самообладания, разумного и полезного наполнения жизни и ума, то о своем времяпрепровождении поэт говорит с ироническим принижением самого себя и своей мысли, склонной к лени и фантазиям:

А я, проспавши до полудни,

Курю табак и кофе пью;

Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах *мысль* мою:

То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом...

Здесь мы, вероятно впервые, можем констатировать наблюдение поэта над жизнью мысли в себе: мысль, отпущенная на волю, обращается в поток химер, в их кружение.

Державин, ставя себе в образец Фелицу, соединившую в себе истину и добро, противопоставляет ей свои и всеобщие пороки, свою малость, греховность, заблуждения («всяк человек есть ложь» – цитирует Державин Псалтирь (Пс., 115: 2)):

...но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам *рассудок* спотыкаться
И должен вслед страстям идти...

Рассудок идет вслед страстям – вот корень зла для простых смертных. Так в духе своего века (многократно описавшего конфликт рассудка и чувства) формулирует Державин причину заблуждений (рассудок *спотыкается* из-за подчиненности страстям).

Наконец, в оде «Фелица» речь идет о поэзии, «ума забаве», которую одобряет и к которой снисходительна державинская идеальная героиня:

...сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Ироническое самоумаление поэта рождает сравнение поэзии с «вкусным лимонадом» – это ирония не без горечи. Но то, что поэзия – не забава *ума*, а его мучительный труд, Державин показывает в своей оде «Бог» (1784).

В этой оде тема мышления получает новые грани, разворачиваясь в русле проблемы богопознания. Мысль оказывается одновременно, антиномически, и малой, и – не малой. Она не способна к познанию Бога: Бога «...никто постичь не мог». «Высокий *ум*» может «...измерить океан глубокий, / Сочесть пески, лучи планет...», то есть может выступить как создатель наук. Но Богу «числа и меры нет». Антитеза поэта такова: ум способен познавать земное, но не Бога. Но при этом – таков следующий ход мысли – даже если высшие духи не могут «исследовать» судьбы Божьи, то мысль человека к этому стремится. И в этом ее величие. Увы, она при этом бессильна:

Лишь *мысль* к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Тем не менее стремление мысли к Богу, при ее ничтожестве перед Ним, подобно тому как ничтожен миг перед вечностью, – существенная первая характеристика мысли у Державина.

Способность ума выстраивать значимые заключения иллюстрируется в следующей сентенции. Поэт говорит о чувстве души, о ее чаянии – она чаёт существования Бога и обретает подтверждение в самой себе: душа

Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Эта державинская кратчайшая формула воплощает целую философскую традицию – усматривать в человеческой душе, в ее чистоте и склонности к добру, свидетельство о существовании Бога, ее вечного Первоисточника. Второе подтверждение дает природа:

Ты есть! — природы чин вешает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой *разум* уверяет...

Так сердце и разум в единстве могут дать уверенность в Божьем бытии. И далее мысль Державина разворачивается при соблюдении строгой логики:

Ты есть — и я уж не ничто!

Изначально обозначенное положение о ничтожестве человека теперь дополняется утверждением его ценности в этом умозаключении, из которого развивается целая концепция двойственности человеческой души (в согласии с христианской традицией): человек есть срединная точка творения между духами и материей, он соединяет в себе противоположности, согласно знаменитым державинским оппозициям: царь – раб, червь – бог, в смертной бездне – бессмертный. Отсюда выход для человека в возвышении к Богу и в благодарности Ему.

Так в этой оде поэт прежде всего говорит о человеческом разуме, бессильном в богопознании, но способном стремиться к Богу и к обретению уверенности в Его бытии. Можно констатировать: мотив мышления в русской поэзии открывается этим утверждением о неспособности мысли постичь Бога, лишь смягчаемой в утверждении значимости самого стремления.

Позднее сочинение Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) немного добавляет по существу: в развернутом потоке подробностей из поместной жизни, ее радостей и удовольствий, поэт касается своей мыслительной жизни. Он описывает свой отдых: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» – состояние дремлющего сознания становится предметом поэтического созерцания. Ум представляет картины прошлого – «мимолетающи суть все времени мечтаньи»: ушедшие дела царей, бывшие бури. Вопросания о

прошедшем («...где...?» – где все то, что прошло?) сменяются размышлением о Боге, который все направляет «ко благу общему», которому ведомы «корни помыслов». И эти этапы размышления ведут к итогу – к идее тленности жизни («Что жизнь ничтожная?») и неизбежного уничтожения всего, в том числе и самого поместья, которое описывается поэтом: «Разрушится сей дом, засохнет бор и сад...». Так Державин проводит свой «дремлющий ум» не через бессвязность сменяющихся картин, но через логически продуманное их течение. И в этой логической упорядоченности созерцаний сказывается стройность рассуждающей мысли, строгость рационального ума. Чистота и логичность мышления еще в начальные 1770-е годы осознавалась поэтом как ценность. В стихотворении «Ключ» (1779) поэт проводил аналогию между чистым струящимся родником и поэтическими мыслями в его стихах:

И с чистою твоей струєю
Сравнится в песнях *мысль* моя...

Из державинских записей – афоризмов, собранных под названием «Мысли мои», в контексте размышлений поэта о мышлении нельзя не отметить эту: «Жизнь *мыслящего* человека - непрерывное усилие раскрыть таящееся в нем свойство духа его». Созвучным этой мысли было завершение оды «Бог»:

...слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться...

Слабому смертному, то есть мыслящему человеку, подобает возвышаться к Богу, то есть раскрывать заложенные Творцом свойства своего духа – это одна из глубоких идей Державина, которая точнее выражена в прозаической сентенции, в отточенности каждого слова, чем в не обретшем еще совершенства поэтическом слоге. Тем не менее, как было показано, первый

ряд поэтически выраженных мыслительных тем Державина сохраняют его стихи: и констатации ума как ценности, и идеал единства ума и души, и первые наблюдения над мышлением, и первые мысли о мысли.

Заключение

Зарождение в стихах Державина мотива мышления – его реализация в модусе прото-мотива – это предпосылка дальнейшего его развертывания, которое перебрасывает мост из XVIII столетия в XIX. Возникновение мотива было предопределено той общей ментальной картиной эпохи – стадией в истории развития сознания, которая выразилась в культе резонерствующего *разума* XVIII века (кантиански осмысленного). На русской почве он смог, при всей его роли в культуре, стать глубоким вдохновляющим импульсом. Им оказался интуитивный *разум* эпохи немецкой классики XIX столетия. Освоение плодов новой философской мысли (прежде всего шеллингианской) разбудило русское творчество в сфере гносеологии, а в поэзии породило целый поток вдохновенных прозрений и познавательных восторгов у поэтов-любомудров, ибо перед ними распахнулось необозримое мыслительное пространство, ранее неведомое. Это был уже не мир рассудочных сентенций и сомневающегося ума рационального века, когда верили, что человек ценен разумом и что в следовании ему заключается возможность преодоления несовершенств жизни. Но здравая логика, научный метод, критические установки – это «*Cogito*» рассудочной эпохи отзывалось неспособностью постигать Истину. А безграничный мир познания нового, XIX века – мир интуитивных проникновений и созерцаний, творческих постижений сущности бытия глубоко отозвался в русском сознании. Две эпохи противостоят друг другу как Рассудок и Разум, в оценке Андрея Белого, и первая, рассудочная, только называла себя разумной, порождая лишь механистическую науку, уже чреватую будущим материализмом, трезвые сентенции и наставительные

суждения. Попытки Державина воплощать в стихах мысли подобного круга не могли создать истинно философской лирики. И дело здесь не в недостатке таланта и не в несовершенстве поэтического языка. Сама резонерствующая мысль эпохи была мало пригодна для русской поэзии. Державин же, будучи гениальным поэтом, и в этом неблагоприятном материале сумел сотворить невозможное – истинную, глубоко личностную поэзию. К исходу XVIII века сами декларируемые ценности – «разум», «ум», «мысль» стали прочным достоянием поэтов, и этим понятиям нужно было преобразиться в творческом огне новых духовных импульсов, и мысли о мысли, претворенные душой поэта, зазвучали не как рассудочные декларации, но как лирические откровения. То есть прото-мотив, развернувшись в поэтических наблюдениях над жизнью мысли в душе, стал в XIX столетии полноценным мотивом мышления. Первые пробы таких воплощений можно зафиксировать уже в стихах Державина, но – даже при их глубине – говорить о сложившемся мотиве мышления в его эпоху еще невозможно. Тем не менее подобные, отдельные опережающие прозрения, которые были отмечены выше у Державина, представляют большую ценность для историка литературы и историка сознания, обнаруживающего в поэзии точные симптомы глубинных ментальных процессов.

Литература

- 1- Аверин Н.М. (2004). *Лирик-философ: этико-философские мотивы в поэзии Г.Р. Державина* // Вестник ТГУ. Вып. 3(35). С. 5–12.
- 2- Арефьева Н.Н. (1997). *Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос»*. В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. науч. докл. СПб.: ООО «Геликон плюс». С. 35–52.
- 3- Грифцов Б.А. (1988). *Державин* // Ходасевич В.Ф. *Державин*. М.: Книга. С. 350–365.
- 4- Грот Я.К. (1997). *Жизнь Державина*. М.: Алгоритм. 685 с.
- 5- Кошемчук, Т. (2024). *МОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Е. БОРАТЫНСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЭТА*. *Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы*, 12(2), 11–29. <https://doi.org/10.61186/iarll.24.1>

- 6- Ларкович Д.В. (2011). *Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 344 с.
- 7- Ларкович Д.В. (2017) *И.Кант – Ш. де Виллер – Державин: К вопросу о философских интересах русского поэта* // Stephanos. № 1 (21). С.
- 8- Федосеева Т.В., Шанаева О.Н. (2010). *Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы)* // Вестник Рязанского государственного университета. № 4 (29). С. 59–71.
- 9- Ходасевич В.Ф. (1988). *Державин*. М.: Книга. С. 38–289.

Bibliography

- 1- Averin N.M. (2004). *Lirik-filosof: etiko-filosofskie motivy v poezii G.R. Derzhavina* // Vestnik TGU. Vyp. 3(35). S. 5–12.
- 2- Arefeva N.N. (1997). *Bogoslovskie reministsentsii v ode G.R. Derzhavina «Khristos»*. V svyazi s družboi poeta i mitropolita Evgeniia (Bolkhovitinova) // Derzhavinskie chteniia. Vyp. 1. Sb. nauch. dokl. SPb.: OOO «Gelikon plus». S. 35–52.
- 3- Grifitsov B.A. (1988). *Derzhavin* // Khodasevich V.F. Derzhavin. M.: Kniga. S. 350–365.
- 4- Grot Ia.K. (1997). *Zhizn' Derzhavina*. M.: Algoritm. 685 s.
- 5- Koshemchuk, T. (2024). *THE MOTIVE OF THINKING IN E. BORATYNSKY'S POETRY: ON THE PROBLEM OF THE POET'S WORLDVIEW*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 12(2), 11–29. <https://doi.org/10.61186/iarll.24.1>
- 6- Larkovich D.V. (2011). *G.R. Derzhavin i khudozhestvennaia kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniia*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 344 s.
- 7- Larkovich D.V. (2017) *I.Kant – Sh. de Viller – Derzhavin: K voprosu o filosofskikh interesakh russkogo poeta* // Stephanos. № 1 (21). S.
- 8- Fedoseeva T.V., Shanaeva O.N. (2010). *Dukhovnye vozzreniia G.R. Derzhavina pozdnego perioda tvorchestva (1790–1810 gody)* // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4 (29). S. 59–71.
- 9- Khodasevich V.F. (1988). *Derzhavin*. M.: Kniga. S. 38–289.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk T. A. (2026). PROTO-MOTIVE OF THINKING IN DERZHAVIN'S POETRY. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 31-49.

DOI:10.61186/IARLL.27.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/400>

پروتوموتیف (پیش موتیف) اندیشیدن در شعر درژاوین

تاتیانا الکساندرونا کاشمچوک^{*}

استاد، دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی اشعار درژاوین که به مقوله اندیشیدن اختصاص دارد، می‌پردازد. پژوهشگران تاکنون به این خط موضوعی در آثار شاعر توجه نکرده‌اند. این مضمون بر پایه تحلیل حدود ده شعر شناسایی شده و به‌منزله پروتوموتیف اندیشیدن تفسیر می‌شود؛ یعنی هسته آغازین شکل‌گیری موتیف اندیشیدن در شعر روسی سده هجدهم و نخستین تجلی آن. نشان داده می‌شود که واحدهای واژگانی «اندیشه»، «ذهن»، «تفکر» و «تعقل» در عصر عقل‌گرایی، از زمان کانتیمیر، وارد واژگان شاعران شدند. «ذهن» برای درژاوین، یکی از ارزش‌های تصریح‌شده و بنیادی است که اغلب در پیوند با «روح» مطرح می‌شود: ترکیب‌هایی چون ذهن و دل، ذهن و وجدان، ذهن و جان، گواه آرمان درژاوینی شخصیت یکپارچه هستند. این آرمان در تصویر فلیتسا تجسم می‌یابد. افزون بر این، در اشعار درژاوین می‌توان نخستین مشاهدات شاعرانه درباره زندگی ذهن را نیز بازشناخت: اندیشه‌ای که در خیال‌پردازی‌ها سرگردان است و آگاهی خواب‌زده. نخستین تأمل شاعر درباره ذهن (در قصیده «خدا») بر ناتوانی عقل در شناخت خداوند تأکید می‌کند. شکل‌گیری موتیف اندیشیدن در شعر روسی از همین گزاره سلبی آغاز می‌شود. تأکید بر ارزش ذهن، در شرایط فقدان معناپردازی تثبیت‌شده برای این موتیف، امکان سخن گفتن از پروتوموتیف اندیشیدن را فراهم می‌آورد. تبیین ویژگی‌های خاص این پروتوموتیف در شعر درژاوین با در نظر گرفتن ماهیت عقلانی تفکر در سده هجدهم صورت می‌گیرد.

واژگان کلیدی: تحلیل موتیفی، شعر درژاوین، موتیف اندیشیدن، پروتوموتیف (پیش موتیف)، ذهن، خودآگاهی.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی